

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 327.7; 327.8

Б.Х. Бахриев, Л.Р. Рустамова

«МЯГКАЯ СИЛА» ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ: ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ НАТО В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Представлен анализ публичной дипломатии НАТО в Центральной Азии. Определены основные направления профильной работы Североатлантического альянса в регионе – информационная, научно-образовательная деятельность и экспертная дипломатия. Сделан вывод, что два основных фактора определяют важность публично-дипломатической работы для НАТО в Центральной Азии – негативное отношение к нему среди населения региона и напряженность в отношениях с Россией, что делает аппликацию «мягкосиловых» форматов наиболее предпочтительным способом его присутствия в регионе.

Ключевые слова: «мягкая сила»; публичная дипломатия; НАТО; Центральная Азия.

Осмысление феномена публичной дипломатии является одним из перспективных направлений современных мирополитических исследований. Сегодняшнее беспрецедентное развитие новых инфокоммуникационных технологий, понимание государствами необходимости диверсификации форматов трансграничных коммуникаций, осознание важности несилового проецирования влияния привели не только к приумножению смыслового наполнения публичной дипломатии, но и существенно повлияли на ее прикладные аспекты, расширив номенклатуру ее акторов и процессов, в развитии которых она играет важную роль.

Общепринятого определения публичной дипломатии не существует, однако в современном исследовательском дискурсе она преимущественно атрибутируется государственному актору. Под публичной дипломатией понимается механизм коммуникации одного государства с обществом другого – через использование широкого спектра социально-гуманитарных (культурная дипломатия, научно-образовательные обмены, возможности диаспоры) и информационных ресурсов [1. С. 275–280]. Цель такого взаимодействия заключается в конструировании позитивного имиджа субъекта публичной дипломатии, формировании в целевых государствах общественной поддержки его внешней политики. Такой подход, однако, эстатичен, т.е. фокусируется на опыте / практике государственных акторов, тогда как проблема взаимодействия с обществами в современной мировой политике стоит не только перед государствами, но и перед международными организациями. Данная тематика в концептуальном плане, как справедливо отмечает российская исследовательница Ю. Никитина, в научной и практико-ориентированной литературе остается слабо разработанной [2. С. 119].

Цель настоящей статьи заключается в исследовании особенностей публичной дипломатии НАТО в постсоветской Центральной Азии (далее – ЦА). В работе предпринята попытка теоретического осмысления публичной дипломатии международных межправительственных организаций (далее – МПО) и применения полученных знаний к анализу практического аспекта их профильной деятельности. Выбор в качестве кейса деятельности Организации Североатланти-

ческого договора (далее – НАТО) в постсоветской Центральной Азии представляется интересным с теоретической точки зрения и актуальным в контексте практической значимости. *Во-первых*, любопытным представляется осмысление опыта использования НАТО – институтом «жесткосилового» характера – публичной дипломатии, являющейся инструментом «мягкого» воздействия. *Во-вторых*, небезынтересной с точки зрения теоретико-прикладных аспектов кажется практика публичной дипломатии НАТО в высококонкурентной региональной среде, которую собой представляет постсоветская ЦА. *В-третьих*, практика и накопленный опыт НАТО в реализации публичной дипломатии в ЦА могут оказаться востребованными для аналогичной деятельности близких по природе МПО на постсоветском пространстве.

Исходя из логики поставленной исследовательской цели, авторы вначале представляют краткое теоретическое осмысление публично-дипломатической акторности МПО. Далее будут рассмотрены основные направления публичной дипломатии НАТО и стратегия профильной деятельности Альянса в отношении государств ЦА. В заключительной части работы с использованием методики SWOT-анализа будет сформулирована оценка возможностей публичной дипломатии НАТО в ЦА, определены ее ключевые ограничители на современном этапе.

Теоретико-методологические рамки исследования

Публичная дипломатия в качестве перспективного инструмента внешней политики преимущественно долгосрочного воздействия обычно рассматривается в рамках неолиберальной традиции политической мысли. Видный представитель неолиберальной школы Джозеф Най отводит публичной дипломатии роль инструмента реализации политики «мягкой силы», более широкого понятия, включающего в себя комплекс мероприятий по достижению внешнеполитических целей [3. Р. 94–109]. Следует отметить, что в отличие от «жесткой силы», которая обычно вызывает нужный результат (желательное поведение) целевого объекта прямо, «мягкая сила» действует опосредованно, выступая побуждением того или иного по-

ведения. Соответственно, результат применения / действия «мягкой силы» следует рассматривать по линии «результат как восприятие (отношение) и результат как поведение (действие), обусловленное соответствующим отношением» [4. С. 43]. Другими словами, практическое воплощение «мягкой силы» через использование ресурсов публичной дипломатии начинается от изменения восприятия (отношения) и заканчивается (в идеале) положительными переменами в поведении объекта «мягкой силы». Такой подход делает опросы общественного мнения одним из важных механизмов оценки эффективности публично-дипломатических проектов, поскольку их результаты, несмотря на все ограничения, позволяют выявить динамику изменения восприятия конкретного актора в глазах его целевой аудитории. В этом же контексте можно рассматривать и деятельность современных государств / МПО на виртуальных площадках, контент которых оказывает растущее влияние на формирование международного дискурса и общественного мнения.

Опираясь на вышесказанные суждения, авторы настоящего исследования формулируют гипотезу о том, что в современном мире применение инструментов «жесткой силы» ограничено ввиду моральных запретов, наложенных развитием международного права, формированием в результате распространения процессов глобализации взаимозависимости и взаимосвязанности, что требует даже от военных организаций обращения к инструментам «мягкой силы» для легитимации своего существования. Особенно это актуально для НАТО, который был создан для защиты Европы от СССР, а ныне требует определенной «переквалификации» на новые регионы и направления работы.

Хотя использование ресурсов публичной дипломатии международными межправительственными организациями становится обычной практикой современной мирополитической жизни, дискуссионным остается вопрос о МПО как независимых акторах в профильной сфере, учитывая то, что за их созданием стоят государства. Дискуссии о природе акторности МПО в сфере публичной дипломатии разворачиваются на фоне демократизации дипломатического пространства, т.е. расширения субъектного поля в этой сфере, традиционно считавшейся государственной. Как утверждает голландский исследователь Ян Меллисен, для МПО публично-дипломатическая деятельность является «экзистенциальной необходимостью». По его словам, таким институтам, как ЕС и НАТО, публичная дипломатия помогает коммуницировать не только с внутренней аудиторией (в государствах-членах) для объяснения определенной политики и формирования поддержки международных инициатив, но и с внешним миром – для широкого информирования об их деятельности, для демонстрации их коллективной сплоченности как международного актора и глобальной нормативной силы [5. Р. 24]. Упомянутые организации в своей публично-дипломатической деятельности прибегают к ресурсам (СМИ, культура, образовательные обмены и др.), которыми пользуются государства. Более того, публичная ди-

пломатия НАТО и ЕС сегодня хорошо структурирована, обладает последовательной стратегией развития, сформулированной с учетом реалий тех регионов, на которые она направлена (см.: [6, 7]).

Помимо вышеупомянутых институтов, можно посмотреть на деятельность других крупных международных организаций через призму публично-дипломатической работы. Например, ООН является не только диалоговой площадкой и инструментом публичной дипломатии для государственных и негосударственных акторов; она сама проводит свою публичную дипломатию. Популяризация своих уставных целей и задач, распространение информации о своей деятельности крайне важны для ООН, и этим направлением в структуре секретариата занимается целый департамент, выпускающий также ежеквартальный электронный журнал «The UN Chronicle». К важной прикладной задаче публичной дипломатии ООН, как отмечают специалисты, относится и работа с населением в странах, куда направляются миротворческие миссии этой организации [8. С. 101]. Публично-дипломатическая деятельность ООН, однако, не всегда успешна. Бывший заместитель Генсека ООН Бриан Уркухарт еще в 1998 г. говорил о бессилии организации в сфере взаимодействия с обществом и называл это бедой организации. Он утверждал, что такая ситуация возникает во многом из-за многообразия мнений внутри организаций, из которых сложно сформулировать согласованную и приемлемую позицию [9. Р. 36]. Высказанные 20 лет назад, эти слова в отношении публичной дипломатии ООН во многом остаются актуальными и по сей день.

В последние годы объектом анализа российских исследователей становится публичная дипломатия международных организаций на постсоветском пространстве и его регионального окружения. Профессор МГИМО К. Боришполец в своих работах исследует вклад публичной дипломатии СНГ в продвижении интеграционного сотрудничества на постсоветском пространстве и предотвращении конфликтов. Анализируя ресурсы публичной дипломатии СНГ, автор делает вывод, что они используются не в полной мере и не всегда планомерно. Публичной дипломатии Содружества предлагается концентрировать внимание на повышении роли «точечных», «углубляющих связи интеграционного проекта с повседневными интересами рядовых граждан» мероприятиях, что представляется актуальной задачей в свете продолжающегося процесса евразийской интеграции [10. С. 111]. Действительно, в рамках международных организаций и в политике интеграционных объединений публичная дипломатия может стать важным механизмом консолидации или инструментом формирования коллективной идентичности. В этом контексте стоит отметить и работу Ю. Никитиной, рассматривающей публично-дипломатическую деятельность Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) (см.: [2]). Ее исследование актуально с точки зрения практической значимости. Автор формулирует определенные рекомендации по оптимизации деятельности упомянутых организаций в сфере публичной ди-

пломатии и выработке адекватной и отвечающей реалиям сегодняшнего мира коммуникационной модели для интеракции с целевыми аудиториями.

Рассматривая международные организации в качестве акторов публичной дипломатии, все же следует признать, что они по природе своей не могут являться полностью автономными в этой сфере, поскольку задачи их публичной дипломатии во многом коррелируются с внешнеполитическими задачами учредивших их государств. Но при умелом использовании ресурсов публичной дипломатии со стороны международных организаций и государств, они могут органично дополнять друг друга в достижении общих политических целей. Важным моментом для формирования более четкой стратегии публичной дипломатии или ее выраженной институционализации, на наш взгляд, являются определенная ценностная однородность внутри организации, общность политических целей и поддержание большинством ее членов определенного нарратива или дискурса. В противном случае внутренняя «какофония» ценностей, интересов и политических целей будет ограничивать публично-дипломатическую деятельность международной организации. Наглядно такие ограничители можно наблюдать на примере ОБСЕ, а удачным кейсом для первого примера представляется НАТО.

Основные направления публичной дипломатии НАТО на современном этапе

По справедливому замечанию известного американского исследователя публичной дипломатии Филипа Сейба, в современной мировой политике наблюдается повышение значимости «мягкой си-

лы», что осложняет процесс адаптации к новому контексту таким «жесткосиловым» организациям, как НАТО [11. Р. 95–100]. При всей оксюмороничности таких словосочетаний, конструирование «мягкого лица» военной машины Североатлантического альянса через публично-дипломатические программы важно не только для легитимации его международной деятельности, но и для обоснования в глазах глобальной общественности его *raison d'être* в постбиполярный период. Поэтому из всех ныне существующих военно-политических союзов именно НАТО активнее всех прибегает к использованию ресурсов публичной дипломатии. Эти ресурсы, направленные на налаживание общения с широкими массами международной общественности, на повышение осведомленности и формирование понимания и поддержки политики, операций и деятельности НАТО в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе, альянс включает в общий пул средств стратегической коммуникации (см.: [12]).

На фоне вышесказанного, логичным кажется то, что публично-дипломатическая деятельность альянса на современном этапе выделяется высоким уровнем институционализации, достаточно последовательной стратегией работы и значительной адаптивностью к цифровой составляющей современного коммуникационного контекста. Структура учрежденного в 2004 г. Управления публичной дипломатии НАТО (Public Diplomacy Division) официально опирается на четыре ключевые институциональные опоры (рис. 1), однако на деле профильную работу альянс осуществляет через более широкий набор механизмов.



Рис. 2. Структура публичной дипломатии НАТО

(Источник: официальная веб-страница НАТО. URL: <https://www.nato.int/cps/en/natohq/structure.htm>)

Публично-дипломатический инструментарий НАТО не ограничивается представленными на рисунке структурами. Так, аналитическим и отчетно-оценочным сопровождением профильной деятельности Альянса занимается Комитет публичной дипломатии (*Committee on Public Diplomacy – CMD*). Он ежегодно готовит и издает специальный доклад – «Стратегия публичной дипломатии НАТО». В борьбе за *умы и сердца* международной общественности организация активно использует высококачественную

электронную и печатную продукцию, возможности интернет-телеканала «НАТО-TV», достаточно информативного и регулярно обновляемого сайта; одновременно ведется активная виртуальная работа на популярных социальных и медийных веб-платформах. По состоянию на конец августа 2020 г. на главный канал НАТО в видеохостинге Ютуб подписано более 99 тыс. человек, а общее количество просмотров его контента переваливает за 26 млн; в Фейсбуке за новостями альянса регулярно следят более

1 млн 331 тыс. человек, а в Твиттере и Инстаграме организация имеет более 737 тыс. и 435 тыс. фолловеров соответственно. Такие солидные показатели охвата аудитории и интеракции говорят о значительном присутствии НАТО на информационном поле, о потенциале организации в формировании благоприятного ей международного дискурса.

Отдельно следует отметить научно-экспертное направление публичной дипломатии НАТО, реализуемое через ведущую программу Североатлантического альянса «Наука ради мира и безопасности» (*Science for Peace and Security Programme – SPS*), которая была учреждена еще в 1958 г. в целях оказания содействия подготовке ученых, обмену знаниями и созданию сети экспертов преимущественно в сфере безопасности. Однако приоритетными для SPS считается и усиление поддержки операций и миссий Североатлантического альянса, в том числе и через обеспечение доступа к информации в сети Интернет, социально-культурные аспекты во время военных операций и миссий, наращивание сотрудничества с другими международными организациями [13]. SPS, по мнению российского исследователя А. Бартоша, является частью стратегии публичной дипломатии НАТО; через нее изучается обстановка в различных странах, оказывается целенаправленное влияние на правящую элиту, студенческую и научную общественность стран-партнеров [14].

Вышесказанное говорит о наличии вариативного инструментария НАТО в сфере публичной дипломатии, однако оценить эффективность профильной деятельности альянса на данный момент представляется сложной задачей. Во многом потому, что публичная дипломатия является инструментом преимущественно долгосрочного воздействия. Но в целом в ее актив можно занести определенный вклад в укрепление внутреннего единства Североатлантического альянса, в конструирование бренда *сообщества безопасности*, в ускорение присоединения к альянсу балканских и восточноевропейских государств [15. С. 37–42], в переориентацию общественного мнения и позиции элиты некоторых постсоветских государств в пользу сближения с Североатлантическим альянсом.

В российском направлении натовская публичная дипломатия не добилась существенных прорывов в конструировании «мягкого» лица организации, о чем говорит динамика результатов опросов общественного мнения (см.: [16–19]). Тем не менее профильная работа в России продолжается. Проблема заключается в том, как отмечают некоторые специалисты, что публичная дипломатия НАТО, способствуя укреплению влияния альянса в странах СНГ, одновременно стремится к подрыву «позиций России путем изменения идентичности элит в пользу евроатлантизма» [20. С. 9]. На фоне значительного ухудшения отношений между Россией и НАТО в последние годы такие мнения представляются логичными. В свою очередь, данные амбивалентные подходы в исследовательских кругах и в практической плоскости актуализируют научное осмысление публично-дипломатической деятельности альянса на постсоветском пространстве в целом и в одном

из стратегически важных для России регионов – Центральной Азии.

Публично-дипломатическая деятельность НАТО в Центральной Азии

Центральноазиатское направление публичной дипломатии Североатлантического альянса еще не стало объектом регулярного исследовательского анализа. В существующих публикациях по профильной тематике в контексте постсоветского пространства данный регион рассматривается «по касательной». В имеющихся работах российских экспертов публично-дипломатические проекты НАТО в регионе почти всегда критикуются как антироссийские (см.: [20, 21]). Попытаемся разобраться в том, как Североатлантический альянс проецирует свое «мягкое» влияние на Центральную Азию.

Натовская публичная дипломатия в ЦА, как гласит официальная позиция Североатлантического альянса, направлена на повышение осведомленности об альянсе, о пользе партнерства с ним, а также на взаимодействие с гражданским обществом и ключевыми лицами, формирующими общественное мнение [22]. В этих целях организация создает образовательные сети с региональными университетами, средствами массовой информации и неправительственными организациями (НПО). Последние при поддержке альянса проводят различные мероприятия, такие как тренинги, семинары, конференции и симпозиумы. Активно работают и контактные посольства альянса, в задачи которых входят распространение информации о деятельности и политике НАТО, организация мероприятий образовательного характера, сотрудничество с местной прессой и учреждениями власти и НПО. Учитывая активную деятельность (в том числе и в виртуальном пространстве), привлекательность предлагаемых проектов и хорошо налаженную работу некоторых посольств государств НАТО в регионе (см.: [23]), значимость использования их возможностей в публичной дипломатии будет только возрастать. На данный момент функции контактного посольства НАТО в Казахстане возложены на посольство Нидерландов, в Таджикистане – на США, в Туркменистане – на Италию, а в Узбекистане – на посольство Турции [24].

В 2006 г. в Алматы был открыт Ресурсный и информационный центр НАТО (далее – РИЦ), предоставляющий широкий доступ к необходимым публикациям и документации организации. Одновременно расширяется сеть мультимедийных уголков НАТО (*NATO Multimedia Corner*) и депозитарных библиотек организации в регионе. В целях ознакомления с деятельностью НАТО в штаб-квартиру организации регулярно приглашаются государственные служащие, лица, формирующие общественное мнение, научные сотрудники. В свою очередь, натовские чиновники посещают центральноазиатские государства, встречаются с их представителями, выступают на публичных мероприятиях. В этом аспекте публичной дипломатии Североатлантического альянса значительную роль играл функционировавший до 2017 г. Офис со-

трудника НАТО по связи и взаимодействию со странами Центральной Азии.

Необходимо отдельно отметить научно-экспертное измерение натовской публичной дипломатии в Центральной Азии. Она, как было отмечено выше, преимущественно реализуется через SPS. В Центральной Азии в рамках данной программы на настоящий момент реализовано 12 проектов – по две в Казахстане и Таджикистане и по четыре в Кыргызстане и Узбекистане [25]. Эти проекты затрагивают вопросы управления водными ресурсами, борьбы с загрязнением окружающей среды и природными катаклизмами. Можно утверждать, что данные векторы публичной дипломатии НАТО, помимо прочего, направлены на формирование в глазах центральноазиатской элиты и общественности образа ответственного и конструктивного актора, заинтересованного в решении насущных вопросов стран региона.

Наверное, такая активность НАТО на публично-дипломатическом треке дает повод некоторым российским экспертам утверждать, что страны Североатлантического альянса «окутали» Центральную Азию плотной паутиной неправительственных организаций, СМИ, образовательных учреждений и интернет-сообществ, и все они вовлечены в манипуляции общественно-политическими процессами. Энергичная деятельность «пропагандистов» Североатлантического альянса «...позволила им сформировать в ЦА влиятельный круг молодых успешных, либерально настроенных лидеров, для которых РФ лишена всякой привлекательности. Они открыто заявляют, что с западными партнерами государства региона должны говорить на одном языке, иметь единый глобальный код поведения и коммуникаций» [21].

В контексте темы настоящей статьи такая оценка публичной дипломатии НАТО в Центральной Азии представляется слегка гипертрофированной, поскольку охватывает не столько профильную деятельность самого Североатлантического альянса, сколько его отдельных членов. Конечно, их задачи коррелируются, но в фокусе данной работы находится публичная дипломатия исключительно самого НАТО. Более того, если в качестве одного из индикаторов оценки эффективности публичной дипломатии НАТО рассматривать опросы общественного мнения, то доступные результаты проведенных *vox populi*, по крайней мере в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане, демонстрируют достаточно негативное отношение граждан этих республик к НАТО [26].

Учитывая неоднородность уровня взаимоотношения НАТО с государствами ЦА, отличается и интенсивность региональных направлений его публичной дипломатии. Достаточно масштабной представляется профильная работа НАТО в *Казахстане*, который имеет наиболее продвинутый уровень кооперации с Североатлантическим альянсом. Обусловлено это не только относительной развитостью институтов гражданского общества в республике, но и наличием более солидных ресурсов в осуществлении декларируемой многовекторной внешней политики и уже существующего разнообразия форматов кооперации с Североатлантическим альянсом. РИЦ, функционирующий на

факультете международных отношений Университета имени Аль-Фараби, занимается реализацией научно-образовательного измерения натовской публичной дипломатии. Центр оказывает содействие в развитии не только вуза базирования, но и научно-экспертным институтам в исследованиях по европейской тематике; предоставляет информационные услуги по вопросам деятельности Североатлантического альянса и его институтов; распространяет и популяризирует опыт НАТО в организации международного сотрудничества и повышении квалификации персонала вузов региона [27. Р. 735–738]. РИЦ уделяет внимание работе с молодым поколением. Например, молодежный форум «Модель НАТО» предоставляет студентам возможность изучить роль, структуру и деятельность Североатлантического союза в современном мире, как и вопросы в области политики, безопасности и экономики, стоящие перед НАТО. Хотя следует отметить, что последний такой форум был проведен в 2014 г. с участием более 70 студентов из ведущих университетов и военных учебных заведений Казахстана [28]. Также необходимо заметить, что из 16 депозитарных библиотек НАТО две находятся в Казахстане – в Нурсултане и Алматы [29]. Задачи таких сетей депозитарных библиотек НАТО видит в обеспечении широкой общественности страны базирования доступом к документам и публикациям альянса, что позволяет лучше понять его и преследуемые им цели.

В отношениях между Казахстаном и НАТО приоритетным направлением, помимо военно-технического сотрудничества, определено взаимодействие между военными учебными институтами, консультацией со стороны альянса в области профессиональной подготовки и образования, консультации по реформированию системы военного образования с учетом стандартов стран НАТО, содействие в подготовке военных кадров [30]. Хотя НАТО не включает программы подготовки военных кадров для стран-партнеров в перечень публично-дипломатической работы, однако, на наш взгляд, стратегически именно это направление является одним из перспективных инструментов формирования лояльных кругов – партнеров организации в среде военной элиты. Данная мысль прослеживается в словах спецпредставителя НАТО по Центральной Азии и Кавказу Джеймса Аппатурай, еще в 2011 г. выражавшего уверенность в том, «обмены между курсантами военных училищ и слушателями военных академий, совместные учения и семинары, стажировки и поставки учебного оборудования превратятся в постоянный фактор отношений НАТО с государствами Кавказа и Центральной Азии, где взгляды на будущее могут начать меняться быстрее, чем это кажется возможным сегодня» [31. С. 35].

Отношения между *Кыргызстаном* и НАТО в последнее десятилетие не выделяются высокой интенсивностью, что можно связать с твердой позицией руководства республики на евразийскую интеграцию и сближение с Россией. Предлагаемый НАТО пакет кооперации формируется преимущественно публично-дипломатическими инициативами. Кыргызстан с 1993 г. участвует в программе SPS, которая, как считают в альянсе, имеет высокую публично-дипло-

матическую ценность. В рамках данного научного сегмента натовской публичной дипломатии с начала 2010-х гг. эксперты Североатлантического альянса (представленные Турцией) организовали для военных и гражданских специалистов в Кыргызстане несколько тренингов и семинаров по кибербезопасности, антитерроризму, особенностям вербовочной политики современных экстремистов; был реализован долгосрочный проект по оценке загрязнения трансграничных рек региона и оценена сейсмическая безопасность зоны расположения Токтогульской ГЭС [32].

Начиная с 2010 г. в Кыргызстане НАТО участвует в реализации программы по переподготовке уволенных силовиков, социальной адаптации военнослужащих после окончания службы в рядах вооруженных сил. С 2015 г. альянс в сотрудничестве с Американским университетом в Центральной Азии (АУЦА) запустил новый проект, в рамках которого проводится обучение действующих военнослужащих ВС Кыргызстана английскому языку. В апреле 2016 г. состоялся выпуск первой группы военнослужащих в рамках данного пилотного проекта. Такие мероприятия обычно освещает местная пресса, а официальная веб-страница НАТО приводит комментарии благодарных выпускников, в которых демонстрируется переосмысление имиджа НАТО. Например, один из уволенных с военной службы офицеров, который обучался на курсах по информационным технологиям, говорит, что «во время моей службы в советское время меня учили, что НАТО наш враг. Кто бы мог подумать, что однажды мне придется поблагодарить НАТО за помощь в возвращении к работе» [33].

Следует отметить, что НАТО считает АУЦА важным партнером в реализации своего образовательного измерения публичной дипломатии в Кыргызстане. В 2014 г. Управление публичной дипломатии НАТО открыло в названном вузе мультимедийный уголок НАТО [34], который призван содействовать повышению общественного интереса к деятельности альянса, обеспечивать ученых, студентов и других заинтересованных лиц актуальной литературой и материалами по глобальной безопасности и проблемам международных отношений.

Альянс сотрудничает и с Дипломатической академией Кыргызстана – депозитарием мультимедийной библиотеки НАТО, в задачи которой входит трансляция студентам точки зрения Североатлантического альянса по международной политике, региональной и глобальной безопасности. Следует уточнить, что на данный момент названная библиотека по техническим причинам не работает. НАТО финансирует не только локальные семинары и тренинги, проходящие в Дипломатической академии, но и крупные региональные конференции; выступления в стенах вуза видных официальных представителей альянса. К примеру, в октябре 2016 г. с лекцией о деятельности альянса в Центральной Азии перед студентами выступил спецпредставитель Генсека НАТО по странам Центральной Азии и Кавказа Дж. Аппатурай [35].

К проектам борьбы за *умы и сердца* перспективно-молодого поколения региона в целом и Кыргызстана в частности можно причислить региональную

«Летнюю школу» для молодых дипломатов из стран Центральной Азии, Афганистана и Монголии, которую организывает Дипломатическая академия Кыргызстана. В 2015 и 2016 гг. данная «школа» была организована при поддержке Управления публичной дипломатии НАТО [36]. Важно уточнить, что участники данной программы обычно проходят конкурсный отбор, в котором участвуют претенденты с рангом ниже первого секретаря и опытом работы в области дипломатии, международных отношений, безопасности, экономики и права.

Кыргызско-натовские отношения в сфере «high politics», по справедливому замечанию некоторых российских экспертов, на данном этапе стагнируют [37. С. 78]. В этих условиях свое присутствие в Кыргызстане НАТО поддерживает в основном механизмами публичной дипломатии, особенно через программы научно-образовательного характера. Визит в начале 2019 г. группы офицеров Североатлантического альянса [38], которые посетили Военный институт Вооруженных сил Кыргызстана и предложили варианты сотрудничества института с профильными вузами государств НАТО, можно трактовать как одну из свежих попыток сохранения или активизации публично-дипломатической активности альянса в этой стране.

Таджикистан в период активной фазы афганской кампании международной коалиции в Афганистане был в фокусе регулярного внимания Североатлантического союза. Однако после 2014 г. интерес альянса к республике постепенно снижался, а практическое взаимодействие сконцентрировалось на публично-дипломатическом треке. Наибольшая активность наблюдается в научно-образовательном и молодежном аспектах. В рамках первого организуются конференции, курсы и тренинги для военнослужащих, гражданских активистов и локальных НПО по вопросам безопасности, проблемам окружающей среды, использования водных ресурсов и т.д. Преимущественно данные мероприятия проходят под эгидой программы SPS [39]. Примером площадки для работы с молодым поколением служила региональная молодежная летняя академия НАТО в Таджикистане, в рамках которой дипломаты и эксперты из стран НАТО выступают перед студентами с лекциями по вопросам безопасности. Летняя академия НАТО проходила ежегодно с 2005 г., однако после последней встречи в 2014 г. дальнейшая судьба этого публично-дипломатического механизма остается под вопросом. Хотя официальные лица Североатлантического альянса называли данную инициативу уникальной площадкой, помогающей «будущим лидерам расширять знания в области международных отношений и одновременно строить долгосрочные отношения со своими коллегами из региона» [40].

Анализ динамики деятельности НАТО в Таджикистане в целом и в сфере публичной дипломатии в частности позволяет говорить о значительной «афганочентричности» подхода альянса во взаимодействии с республикой. После вывода основных сил международной коалиции из соседнего с Таджикистаном Афганистана наблюдается объективное сокращение при-

сутствия НАТО в республике, хотя отдельные инициативы публично-дипломатического направления продолжают осуществляться. Рассуждения российских специалистов о том, что на данный момент мероприятия НАТО в Таджикистане выглядят скорее как «демонстрация флага» [37], в этом свете представляются достаточно убедительными.

Туркменское направление публичной дипломатии НАТО в регионе ЦА наименее активно, что связано со статусом Туркменистана как нейтрального государства и достаточно изоляционистской политикой Ашхабада. После прихода к власти Гурбангулы Бердымухамедова в 2007 г. Туркменистан предпринял ряд демонстрационных шагов по активизации отношений с НАТО, однако значительного продвижения не последовало.

Публично-дипломатическая работа альянса в республике в основном ограничивается незначительными публичными мероприятиями, небольшими по масштабу тренировочными программами по борьбе с контрабандой наркотиков, преступностью и пр. В рамках SPS еще в начале 2000-х гг. академические учреждения и университеты Туркменистана были подключены к интернету, получили сетевое оборудование, средства для дистанционного обучения. Самым крупным публичным мероприятием, организованным НАТО в Туркменистане за последние годы, стала региональная конференция «Мир и стабильность в Центральной Азии и Афганистане: взгляд из нейтрального Туркменистана» [41]. Она состоялась в Ашхабаде в марте 2015 г. и была включена в официальную программу мероприятий, проводимых в Туркменистане в рамках празднования 20-летия принятия резолюции Генассамблеи ООН о признании нейтралитета республики.

В целом анализ публичной дипломатии НАТО в Туркменистане показывает, что реализованные профильные проекты и временами выдвигаемые инициативы со стороны Североатлантического альянса во многом носят имиджевый характер, призваны демонстрировать присутствие альянса в республике. Ашхабаду же это позволяет поддерживать прагматические рабочие отношения с НАТО.

Для *узбекстанского* направления натовской публичной дипломатии, как и для отношений между Ташкентом и альянсом в целом, всегда были характерны значительные колебания. После андижанских событий 2005 г. уровень взаимодействия сторон заметно понизился, западные эксперты призывали НАТО в отношениях с Ташкентом не жертвовать демократическими ценностями ради сохранения надежного коридора поставок необходимых грузов для афганской кампании [42]. Однако уже к 2013 г. наблюдалась позитивная динамика взаимодействия между сторонами. Коснулась это и публично-дипломатической работы НАТО. В 2014 г. упомянутый выше Дж. Аппатурай открыл Депозитарную библиотеку НАТО при Университете мировой экономики и дипломатии в Ташкенте. Начиная с 2013 г. Узбекистан участвует в работе Программы углубления военного образования (*Defence Education Enhancement Program – DEEP*) [43], направленной на упрочение контактов между военными вузами стран НАТО и

профильными учебными заведениями стран-партнеров. Ключевым партнером НАТО в этом направлении выступает Академия Вооруженных сил Республики Узбекистан. В Академии ВС в 2015 г. был открыт мультимедийный уголок НАТО, предоставляющий слушателям и преподавательскому составу доступ к актуальным научным материалам по международным отношениям, военной науке, региональной и международной безопасности. Кроме того, в данном центре можно получить книги по профильной тематике, официальные публикации альянса, оформить подписку на журналы и воспользоваться инструментами исследований Библиотеки НАТО «LibGuides».

Важную роль в продвижении публично-дипломатических инициатив НАТО в Узбекистане играл сотрудник НАТО по связи и взаимодействию со странами Центральной Азии, который базировался как раз в Ташкенте. Именно данный офис организовывал курсы изучения английского языка для офицеров ВС Республики Узбекистан. В 2016 и 2017 гг. сертификаты прохождения данных курсов получили 38 представителей среднего и старшего офицерского состава. К слову, вручение сертификатов в 2017 г. было последним мероприятием, которое провел Офис сотрудника НАТО по связи и взаимодействию со странами Центральной Азии. В 2017 г. данный пост был ликвидирован (официально из соображений экономии средств), и с тех пор никаких значительных мероприятий в сфере публичной дипломатии у НАТО в Узбекистане не было. Такая пассивность касается и экспертно-научного измерения. На данный момент в республике у НАТО нет «активных» проектов в рамках SPS. Динамика публично-дипломатической активности НАТО в Узбекистане, как представляется, логично вписывается в общерегиональный тренд сокращения профильной работы альянса. Однако позитивные внутривосточные тенденции последних лет, активность Ташкента в урегулировании афганского кризиса оставляют «двери» открытыми для «возвращения» НАТО в Узбекистан.

Опираясь на анализ центральноазиатского направления публичной дипломатии НАТО, можно утверждать, что Североатлантический альянс в ЦА имеет значительный опыт в рассматриваемой сфере. В целом специфика центральноазиатского региона и сферы деятельности НАТО детерминируют преимущественно элитно-центристский характер натовской публичной дипломатии в регионе, хотя организация стремится к диверсификации своих публично-дипломатических инициатив, расширению объектного поля профильной работы за счет молодого поколения / студентов, научного сообщества и др.

Хотя на данном этапе наблюдается отчетливая тенденция к сокращению присутствия НАТО в ЦА, тем не менее, реализация проектов публично-дипломатической направленности продолжается (см.: [44]). Учитывая крайне негативный тренд в отношениях между Россией и НАТО в последние годы, альянс может реактивизировать свою политику в центральноазиатском направлении для ослабления там влияния Москвы. Поскольку страны региона связаны с Россией союзническими обязательствами, ограничивающими их военное сотрудниче-

ство с НАТО, то для последнего более удобным форматом проецирования влияния представляется именно публично-дипломатическое направление. Такой возможный сценарий актуализирует изучение слабых и сильных сторон публичной диплома-

тии НАТО, ее возможностей и ограничителей. В приведенной таблице авторы, используя – в достаточно симплифицированной форме – метод SWOT-анализа, обобщают характеристики потенциала публичной дипломатии НАТО в ЦА.

Т а б л и ц а

SWOT-анализ публичной дипломатии НАТО в Центральной Азии

	S	W	O	T
НАТО	<ul style="list-style-type: none"> – Институциональное присутствие в регионе (контакты посольства). – Локализация информационных ресурсов. – Востребованность проектов. – Работа с молодым поколением 	<ul style="list-style-type: none"> – Отсутствие информационных инструментов на языках региона. – Элитоцентризм. – Финансовые ограничения 	<ul style="list-style-type: none"> – Растущее число пользователей интернета в регионе. – Престиж английского языка и западного образования. – Востребованность научно-аналитических проектов 	<ul style="list-style-type: none"> – Сильные позиции информационных инструментов РФ. – Негативные ассоциации и отрицательное отношение населения

Общие выводы

По итогам проведенного исследования можно сформулировать ряд общих выводов:

Во-первых, несмотря на то что публичная дипломатия рассматривается преимущественно как деятельность государственных акторов, к этому инструменту взаимодействия с внутренним и зарубежным обществами на сегодняшний день все чаще прибегают и международные организации. Этот момент, касающийся демократизации субъектного поля публичной дипломатии, еще не стал объектом регулярного научного анализа.

Во-вторых, использование ресурсов публичной дипломатии представляет наиболее актуальным для тех организаций, деятельность которых так или иначе связана с вопросами *high politics*. Для них публичная дипломатия является не только средством информирования международной общественности о своей политике и популяризации своих целей, но и способом конструирования «мягкого лица» и средством обоснования смысла своего существования. В первую очередь данное утверждение актуально в отношении НАТО в постбиполярный период. Соответственно, логичным кажется значительное внимание Североатлантического альянса развитию ресурсов публичной дипломатии – направление работы, институционализированное и достаточно хорошо адаптированное к требованиям современной виртуальной коммуникации.

В-третьих, НАТО с вариативной степенью активности использует форматы публичной дипломатии в Центральной Азии. Имеет значительный опыт в регионе в сфере научно-образовательной деятельности (особенно в области подготовки военных кадров), экспертной дипломатии, информационной работы. По степени интенсивности и многоаспектности профильной работы в Центральной Азии активность НАТО можно ранжировать от наибольшей в Казахстане до наименьшей в Туркменистане. На данный момент оценить эффективность профильной работы НАТО в регионе представляется затруднительным, хотя опросы общественного мнения в ЦА демонстрируют негативное отношение к альянсу. Для НАТО это является как вызовом, так и сигналом / стимулом для продвижения более активной публичной дипломатии.

И, в-четвертых, на фоне растущей детериорации взаимоотношений между Россией и НАТО, которая вряд ли останется без последствий для уровня и форматов кооперации Североатлантического альянса с центральноазиатскими государствами, публично-дипломатическая деятельность становится наиболее предпочтительным и наименее чувствительным аспектом присутствия НАТО в Центральной Азии. Системная и последовательная работа на данном направлении может создать благоприятную почву для «возвращения» НАТО в регион в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Долинский А.В. Эволюция теоретических оснований публичной дипломатии // Вестник МГИМО-Университета. 2011. Вып. № 2. С. 275–280.
2. Никитина Ю. Публичная дипломатия в работе межправительственных организаций: ОДКБ и ШОС // Публичная дипломатия: Теория и практика / под ред. М.М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2017. С. 112–127.
3. Nye J. Public Diplomacy and Soft Power // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. Vol. 616. P. 94–109.
4. Песцов С.К., Бобыло А.М. Мягкая сила в мировой политике: типология подходов к измерению и оценке // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. № 3 (31). С. 42–53.
5. Melissen J. Beyond the New Public Diplomacy. Clingendael Papers. 2011. № 3. 28 p.
6. Антюхова Е.А. Основные направления публичной дипломатии НАТО в эпоху глобализации // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 3 (72). С. 21–27.
7. Зонова Т. Публичная дипломатия Европейского Союза // Публичная дипломатия: Теория и практика / под ред. М.М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2017. С. 70–88.
8. Долинский А.В. Современные механизмы сотрудничества в рамках публичной дипломатии : дис. ... канд. полит. наук. М.: МГИМО (У), 2011. 210 с.
9. Vinogradov S. Peacekeeping: we need serious Rethinking // UN Chronicle, 1998. Vol. 35, № 3. URL: <https://www.questia.com/library/p1200/un-chronicle/i2631040/vol-35-no-3-fall> (дата обращения: 01.02.2020).
10. Борщиполец К. Вклад публичной дипломатии СНГ в интеграционное сотрудничество и предотвращение конфликтов // Публичная дипломатия : Теория и практика / под ред. М.М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2017. С. 89–111.
11. Seib Ph. Public Diplomacy and Hard Power: The Challenges Facing NATO // The Fletcher Forum of World Affairs. 2014. Vol. 38, is. 1. P. 95–100.

12. Schindler C. Proactively preserving the inward quiet: Public Diplomacy and NATO // *Defence Strategic Communications*. 2015. Vol 1, is. 1. P. 133–146.
13. Подробнее о программе НАТО «Наука ради мира и безопасности». URL: https://www.nato.int/nato_static/assets/pdf/pdf_2014_01/20140127_140127-Brochure_SPS_ru.pdf (дата обращения: 13.01.2020).
14. Бартош А. Публичная дипломатия в конфликтах современности // *Независимая газета*. 2017. 21 июля. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2017-07-21/11_957_diplomatia.html (дата обращения: 07.02.2020).
15. Корнев Е.С. Общественная дипломатия НАТО на постсоветском пространстве // *Актуальные проблемы современных международных отношений*. 2013. № 1. С. 37–42.
16. Восприятие НАТО населением России. Аналитический отчет по результатам социологических исследований ВЦИОМ, 15.06.2006. URL: <https://www.nato.int/docu/other/ru/2006/060511/PPT-Presentation-of-Polikanov.pdf> (дата обращения: 01.02.2020).
17. Россияне о НАТО (Новгородская область) // Информационное бюро НАТО в Москве. 2013. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2013_nio/20131202_131129-nio-survey-analytical.pdf
18. NATO Publics Have Negative View of Russia as Russian Ratings of West Plummet // *Pew Research Center*. 2015. June 8. URL: <https://www.pewglobal.org/2015/06/10/nato-publics-blame-russia-for-ukrainian-crisis-but-reluctant-to-provide-military-aid/russia-ukraine-report-39/> (дата обращения: 25.12.2019).
19. Schafer B. Ally or Adversary? Public Opinion of NATO in Post-Soviet Russia // *USC Center for Public Diplomacy*, 2016. 20 p. URL: <https://www.uscpublicdiplomacy.org/sites/uscpublicdiplomacy.org/files/useruploads/u31086/NATO-Russia%20Final%20Paper.pdf> (дата обращения: 07.02.2020).
20. Бартош А.А. Эволюция общественной дипломатии НАТО // *Дипломатическая служба*. 2014. № 3. С. 6–11.
21. Белобров Ю. Что ищет НАТО в краю далеком? // *РСМД*, 25.06.2018. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/asian-kaleidoscope/chto-ishchet-nato-v-kraju-dalekom/> (дата обращения: 11.02.2020).
22. NATO Backgrounder. Partners in Central Asia. NATO Public Diplomacy Division, 2014. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/stock_publications/20140505_140505-Backgrounder_CentralAsia_EN_lowres.pdf (дата обращения: 12.12.2019).
23. Бахриев Б.Х. Публичная дипломатия как инструмент достижения внешнеполитических целей США в Центральной Азии // *Международная аналитика*. 2018. № 1 (23). С. 31–39.
24. Allied Contact Point Embassies (01.01.2017–31.12.2018) // Сайт НАТО. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2017_06/20170613_170613-cpe-2017-2018.pdf
25. Selected Projects funded by NATO within Science for Peace and Security Programme. URL: https://www.nato.int/science/studies_and_projects/nato_funded/index.htm#tbl
26. Smith M. Most NATO Members in Eastern Europe See It as Protection. Gallup. February 10, 2017. URL: <https://news.gallup.com/poll/203819/nato-members-eastern-europe-protection.aspx>
27. Karakulov Y., Baizakova K. Regional Security Issue: Central Asian Countries and NATO Cooperation (On the Example of Kazakhstan) // *International Scholarly and Scientific Research & Innovation*. 2013. Vol. 7 (3). P. 735–738.
28. NATO simulation game in Almaty, Kazakhstan // NATO web site. 2014. 27 Nov. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_115715.htm?selectedLocale=en
29. NATO depository libraries. URL: <http://www.natolibguides.info/library/depository>
30. О сотрудничестве Казахстана с НАТО. URL: <http://mfa.gov.kz/ru/content-view/nato>
31. Акматалиева А.М. НАТО и государства центральноазиатского региона: перспективы сотрудничества // *Сравнительная политика*. 2012. № 4 (10). С. 32–35.
32. The NATO Science for Peace and Security Country Flyer 2018: Kyrgyz Republic. URL: <https://www.nato.int/science/country-fliers/Kyrgyz-Republic.pdf>
33. Kyrgyz officers graduate from NATO-supported courses // NATO's website, 27.04.2016. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_132113.htm?selectedLocale=ru (accessed: 17.01.2020).
34. Opening of the NATO Multimedia Corner at AUCA. AUCA's official web-page. 2014. October 22. URL: https://auca.kg/en/auca_news/1723/ (accessed: 17.01.2020).
35. Сообщение о встрече руководства Дипломатической академии МИД КР им. К. Дикамбаева со Специальным представителем Генерального секретаря НАТО по странам Центральной Азии и Кавказа Джеймсом Аппатураем // *Официальная веб-страница Дипломатической академии МИД КР*, 19.10. 2016. URL: <http://dipacademy.kg/?p=1759> (дата обращения: 05.12.2019).
36. NATO supports first regional summer school for junior diplomats from Central Asia and Afghanistan // NATO's official website. 2015. June. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_120649.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 07.02.2020).
37. Петровская О.В., Шевченко А.М. и др. НАТО в политике постсоветских государств после воссоединения Крыма с Россией // *Проблемы национальной стратегии*. 2018. № 2 (47). С. 11–100.
38. Офицеры НАТО побывали в Кыргызстане. Зачем приехали. Sputnik Кыргызстан, 01.02.2019. URL: <https://ru.sputnik.kg/society/20190201/1043134365/kyrgyzstan-gkdo-oficery-vizit.html> (дата обращения: 22.12.2019).
39. The NATO Science for Peace and Security Country Flyer 2018: Tajikistan. URL: <https://www.nato.int/science/country-fliers/Tajikistan.pdf> (дата обращения: 09.01.2020).
40. NATO-supported Summer Academy in Tajikistan focuses on development and cooperation. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_121793.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 11.01.2020).
41. Turkmenistan and NATO hold forum on regional peace and stability. NATO's official website, 09.03.2015. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_117959.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 12.11.2019).
42. Horton S. Uzbekistan as a Values Challenge for NATO // *Harper's Magazine*, March 5, 2012. URL: <https://harpers.org/blog/2012/03/uzbekistan-as-a-values-challenge-for-nato/> (дата обращения: 21.02.2020).
43. Partnership for Peace Consortium of Defense Academies and Security Studies Institute. 2013 Annual Report. 2014. March. URL: <http://www.pfp-consortium.org/index.php/publications/annual-reports/item/85-2013-annual-report> (дата обращения: 07.02.2020).
44. Mukhtorova U. Central Asia and NATO against a Backdrop of Changing Geopolitical Realities. Rome: NATO Defense College (“NDC Fellowship Monograph Series”). 2018. 40 p.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 10 августа 2020 г.

Soft Power of a Military Organization: NATO's Public Diplomacy in Central Asia

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 458, 90–100.

DOI: 10.17223/15617793/458/11

Bahri Kh. Bahriev, MGIMO University (Moscow, Russian Federation). E-mail: mr.bahriev29@gmail.com

Leili R. Rustamova, MGIMO University (Moscow, Russian Federation); Primakov Institute of World Economy and International Relations (Moscow, Russian Federation). E-mail: leili-rustamova@yandex.ru

Keywords: soft power, public diplomacy, NATO, Central Asia.

This article analyzes the features of NATO's public diplomacy in Central Asia. Based on the neoliberal concept of soft power, the authors expand public diplomacy's actorness domain, considering its manifestations in the activities of international organizations. The NATO case shows how international organizations can use resources of public diplomacy to legitimize their existence in the changing realities of world politics, to popularize their charter goals and their mission in the international arena, and to garner support for their policies. To this end, NATO not only brings into use a wide range of mechanisms of traditional public diplomacy (print production, scientific and educational exchanges, television), but also actively works in the virtual field (video hosting services, social networks). These areas of the Alliance's relevant work also cover the post-Soviet Central Asia, which is considered a strategically important region for Russia's interests. This moment determines the predominantly public-diplomatic nature of NATO's package of cooperation offered to the countries of the region. Firstly, the military-political relations of Russia with Central Asian states do not leave significant space for NATO's "hard-power" presence in the region. Secondly, existing opinion polls in some Central Asian countries show negative attitude towards NATO, which requires from the latter to boost its soft power activities. The authors highlight three areas of the Alliance's core work in the region: information work, scientific and educational work, and expert diplomacy. These mechanisms of public diplomacy not only work on such tactical tasks as raising awareness about the Organization and promoting narrative about the benefits of partnering with it, but also pursue strategic goals—forming loyal circles through interaction with civil society, public opinion leaders, and through training of military personnel, engaging with young generation in the countries of the region. A simplified SWOT analysis the authors conducted shows that despite the attractiveness of NATO's public diplomacy projects for segments of the region's population, a number of factors limit its activities. The authors found that, according to the degree of intensity and multidimensionality, NATO's public diplomacy in Central Asia varies from the most active in Kazakhstan to the least in Turkmenistan. The authors come to the conclusion that, in the face of current strained Russia–NATO relations, formats of public diplomatic work are becoming the most preferable and least sensitive aspect of maintaining the Alliance's presence in Central Asia.

REFERENCES

- Dolinskiy, A.V. (2011) Evolution of Public Diplomacy Theoretical Grounds. *Vestnik MGIMO-Universiteta – MGIMO Review of International Relations*. 2. pp. 275–280. (In Russian).
- Nikitina, Yu. (2017) Publichnaya diplomatiya v rabote mezhravitel'stvennykh organizatsiy: ODKB i ShOS [Public diplomacy in the work of intergovernmental organizations: the CSTO and the SCO]. In: Lebedeva, M.M. (ed.) *Publichnaya diplomatiya: Teoriya i praktika* [Public Diplomacy: Theory and Practice]. Moscow: Aspekt Press. pp. 112–127.
- Nye, J. (2008) Public Diplomacy and Soft Power. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 616. pp. 94–109.
- Pestsov, S.K. & Bobylo, A.M. (2015) Soft power in world politics: The typology of approaches to measurement and evaluation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 3 (31). pp. 42–53. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/31/5
- Melissen, J. (2011) Beyond the New Public Diplomacy. *Clingendael Papers*. 3.
- Antyukhova, E.A. (2016) NATO's public diplomacy in the epoch of globalization. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki – Scientific Notes of Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences*. 3 (72). pp. 21–27. (In Russian).
- Zonova, T. (2017) Publichnaya diplomatiya Evropeyskogo Soyuza [The EU public diplomacy]. In: Lebedeva, M.M. (ed.) *Publichnaya diplomatiya: Teoriya i praktika* [Public Diplomacy: Theory and Practice]. Moscow: Aspekt Press. pp. 70–88.
- Dolinskiy, A.V. (2011) *Sovremennye mekhanizmy sotrudnichestva v ramkakh publichnoy diplomatii* [Modern mechanisms of cooperation in the framework of public diplomacy]. Political Science Cand. Diss. Moscow: MGIMO (U).
- Vinogradov, S. (1998) Peacekeeping: We need serious Rethinking. *UN Chronicle*. 35 (3). [Online] Available from: <https://www.questia.com/library/p1200/un-chronicle/i2631040/vol-35-no-3-fall>. (Accessed: 01.02.2020).
- Borishpolets, K. (2017) Vklad publichnoy diplomatii SNG v integratsionnoe sotrudnichestvo i predotvrashchenie konfliktov [Contribution of CIS public diplomacy to integration cooperation and conflict prevention]. In: Lebedeva, M.M. (ed.) *Publichnaya diplomatiya: Teoriya i praktika* [Public Diplomacy: Theory and Practice]. Moscow: Aspekt Press. pp. 89–111.
- Seib, Ph. (2014) Public Diplomacy and Hard Power: The Challenges Facing NATO. *The Fletcher Forum of World Affairs*. 38 (1). pp. 95–100.
- Schindler, C. (2015) Proactively preserving the inward quiet: Public diplomacy and NATO. *Defence Strategic Communications*. 1 (1). pp. 133–146.
- NATO. (2014) *Podrobnее o programme NATO "Nauka radi mira i bezopasnosti"* [Learn more about NATO's Science for Peace and Security Programme]. [Online] Available from: https://www.nato.int/nato_static/assets/pdf/pdf_2014_01/20140127_140127-Brochure_SPS_ru.pdf. (Accessed: 13.01.2020).
- Bartosh, A. (2017) Publichnaya diplomatiya v konfliktakh sovremennosti [NATO's public diplomacy in the post-Soviet space]. *Nezavisimaya gazeta*. July 21. [Online] Available from: http://nvo.ng.ru/concepts/2017-07-21/11_957_diplomatia.html. (Accessed: 07.02.2020).
- Korenev, E.S. (2013) NATO Public Diplomacy in the Post-Soviet Space. *Aktual'nye problemy sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniy*. 1. pp. 37–42. (In Russian).
- VCIOM. (2006) *Vospriyatie NATO naseleniem Rossii. Analiticheskiy otchet po rezul'tatam sotsiologicheskikh issledovaniy VtsIOM* [Perception of NATO by the Russian population. Analytical report on the results of sociological research by VCIOM], June 15. [Online] Available from: <https://www.nato.int/docu/other/ru/2006/060511/PPT-Presentation-of-Polikanov.pdf>. (Accessed: 01.02.2020).
- NATO Information Office in Moscow. (2013) *Rossiyane o NATO (Novgorodskaya oblast')* [Russians about NATO (Novgorod Oblast)]. [Online] Available from: https://www.nato.int/nato_static_f12014/assets/pdf/pdf_2013_nio/20131202_131129-nio-survey-analytical.pdf.
- Pew Research Center. (2015) *NATO Publics Have Negative View of Russia as Russian Ratings of West Plummet*. June 8. [Online] Available from: <https://www.pewglobal.org/2015/06/10/nato-publics-blame-russia-for-ukrainian-crisis-but-reluctant-to-provide-military-aid/russia-ukraine-report-39/>. (Accessed: 25.12.2019).
- Schafer, B. (2016) *Ally or Adversary? Public Opinion of NATO in Post-Soviet Russia*. USC Center for Public Diplomacy. [Online] Available from: <https://www.usepublicdiplomacy.org/sites/usepublicdiplomacy.org/files/useruploads/u31086/NATO-Russia%20Final%20Paper.pdf>. (Accessed: 07.02.2020).
- Bartosh, A.A. (2014) Evolution of NATO's public diplomacy. *Diplomaticheskaya sluzhba – Diplomatic Service*. 3. pp. 6–11. (In Russian).
- Belobrov, Yu. (2018) Chto ishchet NATO v krayu dalekom? [What is NATO looking for in a distant land?]. *RSMD*, 25 June. [Online] Available from: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/asian-kaleidoscope/chto-ishchet-nato-v-krayu-dalekom/>. (Accessed: 11.02.2020).
- NATO Public Diplomacy Division. (2014) *NATO Backgrounder. Partners in Central Asia*. [Online] Available from: https://www.nato.int/nato_static_f12014/assets/pdf/stock_publications/20140505_140505-Backgrounder_CentralAsia_EN_lowres.pdf. (Accessed: 12.12.2019).
- Bakhriev, B.Kh. (2018) Public Diplomacy as an Instrument for Obtaining Foreign Policy Goals of the USA in Central Asia. *Mezhdunarodnaya analitika – Journal of International Analytics*. 1 (23). pp. 31–39. (In Russian). DOI: 10.46272/2587-8476-2018-0-1-32-39

24. NATO. (2018) *Allied Contact Point Embassies (01.01.2017–31.12.2018)*. [Online] Available from: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2017_06/20170613_170613-cpe-2017-2018.pdf.
25. NATO. (2011) *Selected Projects funded by NATO within Science for Peace and Security Programme*. [Online] Available from: https://www.nato.int/science/studies_and_projects/nato_funded/index.htm#tbl.
26. Smith, M. (2017) Most NATO Members in Eastern Europe See It as Protection. *Gallup*. February 10. [Online] Available from: <https://news.gallup.com/poll/203819/nato-members-eastern-europe-protection.aspx>.
27. Karakulov, Y. & Baizakova, K. (2013) Regional Security Issue: Central Asian Countries and NATO Cooperation (On the Example of Kazakhstan). *International Scholarly and Scientific Research & Innovation*. 7 (3). pp. 735–738.
28. NATO. (2014) *NATO simulation game in Almaty, Kazakhstan*. November 27. [Online] Available from: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_115715.htm?selectedLocale=en.
29. *NATO depository libraries*. [Online] Available from: <http://www.natolibguides.info/library/depository>.
30. Ministry of Foreign Affairs of Kazakhstan. (n.d.) *O sotrudnichestve Kazakhstana s NATO* [On cooperation of Kazakhstan with NATO]. [Online] Available from: <http://mfa.gov.kz/ru/content-view/nato>.
31. Akmataliyeva, A.M. (2012) NATO and Central Asian states: The prospects of cooperation. *Sravnitel'naya politika – Comparative Politics Russia*. 4 (10). pp. 32–35. (In Russian). DOI: 10.18611/2221-3279-2012-3-4(10)-32-35
32. NATO. (2018) *The NATO Science for Peace and Security Country Flyer 2018: Kyrgyz Republic*. [Online] Available from: <https://www.nato.int/science/country-fliers/Kyrgyz-Republic.pdf>.
33. NATO. (2016) *Kyrgyz officers graduate from NATO-supported courses*. April 27. [Online] Available from: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_132113.htm?%20selectedLocale=ru. (Accessed: 17.01.2020).
34. AUCA. (2014) *Opening of the NATO Multimedia Corner at AUCA*. October 22. [Online] Available from: https://auca.kg/en/auca_news/1723/. (Accessed: 17.01.2020).
35. Diplomatic Academy MFA KR. (2016) *Soobshchenie o vstreche rukovodstva Diplomatocheskoy akademii MID KR im. K. Dikambaeva so Spetsial'nym predstavitelem General'nogo sekretarya NATO po stranam Tsentral'noy Azii i Kavkaza Dzheymson Appaturaem* [Report on the meeting of the leadership of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic named after K. Dikambayev with James Appathurai, Special Representative of the NATO Secretary General for Central Asia and the Caucasus]. October 19. [Online] Available from: <http://dipacademy.kg/?p=1759>. (Accessed: 05.12.2019).
36. NATO. (2015) *NATO supports first regional summer school for junior diplomats from Central Asia and Afghanistan*. June. [Online] Available from: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_120649.htm?selectedLocale=en. (Accessed: 07.02.2020).
37. Petrovskaya, O.V. et al. (2018) NATO v politike postsovetkikh gosudarstv posle vossoedineniya Kryma s Rossiey [NATO in the policy of post-Soviet states after the reunification of Crimea with Russia]. *Problemy natsional'noy strategii – National Strategy Issues*. 2 (47). pp. 11–100.
38. Sputnik Kyrgyzstan. (2019) *Ofitsery NATO pobylali v Kyrgyzstane. Zachem priezzhali* [NATO officers visited Kyrgyzstan. Why they came]. February 01. [Online] Available from: <https://ru.sputnik.kg/society/20190201/1043134365/kyrgyzstan-gkdo-oficery-vizit.html>. (Accessed: 22.12.2019).
39. NATO. (2020) *The NATO Science for Peace and Security Country Flyer 2018: Tajikistan*. [Online] Available from: <https://www.nato.int/science/country-fliers/Tajikistan.pdf>. (Accessed: 09.01.2020).
40. NATO. (2015) *NATO-supported Summer Academy in Tajikistan focuses on development and cooperation*. [Online] Available from: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_121793.htm?selectedLocale=en. (Accessed: 11.01.2020).
41. NATO. (2015) *Turkmenistan and NATO hold forum on regional peace and stability*. March 09. [Online] Available from: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_117959.htm?selectedLocale=ru. (Accessed: 12.11.2019).
42. Horton, S. (2012) Uzbekistan as a Values Challenge for NATO. *Harper's Magazine*. March 5. [Online] Available from: <https://harpers.org/blog/2012/03/uzbekistan-as-a-values-challenge-for-nato/>. (Accessed: 21.02.2020).
43. Defense Academies and Security Studies Institute. (2014) *Partnership for Peace Consortium of Defense Academies and Security Studies Institute. 2013 Annual Report*. 2014. March. [Online] Available from: <http://www.pfp-consortium.org/index.php/publications/annual-reports/item/85-2013-annual-report>. (Accessed: 07.02.2020).
44. Mukhtorova, U. (2018) *Central Asia and NATO against a Backdrop of Changing Geopolitical Realities*. Rome: NATO Defense College.

Received: 10 August 2020